

Ирина
МЕЛЬНИКОВА
Георгий **ЛАНСКОЙ**

Лик Сатаны

Москва 2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Оформление серии *Н. Никоновой*

Мельникова, Ирина Александровна.

М48 Лик Сатаны : [роман] / Ирина Мельникова, Георгий Ланской. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Его величество случай).

ISBN 978-5-699-82113-6

В ее жизни ничего не осталось, лишь усталая обреченность и пустота. Саша была оскорблена и унижена, а гордость ее растоптана. Что ей дала эта борьба за правду и справедливость, кроме стыда и мук совести? Эта история обнажила столько скелетов в шкафу!.. Получается, Сашин дед был далеко не праведником. И зачем только она затеяла расследование его гибели, втянув в него журналистов Никиту Шмелева и Юлию Быстрову и подставив их всех под пули? Когда на свет вышло темное прошлое ее деда, стали выясняться чудовищные подробности... Что же теперь делать — остановиться на полпути? Нет, Саша все же должна узнать, за что его убили. Похоже, и ее бабушка погибла под колесами лихача вовсе не случайно... А все началось, когда бабушке, работавшей в музее, принесли на экспертизу икону и она сразу заметила: лик святого был переписан...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82113-6

© Мельникова И., Ланской Г., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Пролог

1938 год. Карпаты

Раннее утро занималось над горами, скрытыми синей дымкой. После ночного дождя огромные камни в серых пятнах лишайников были скользкими и холодными, но среди них виднелась едва заметная тропинка, пробитая среди мхов и зарослей жерепа¹.

Темные стволы смерек — огромных елей — проступали сквозь туман — звуки шагов плавались в нем и пропадали. Сыро и зябко было вокруг, но отец Павел не замечал этого. Нужно было до восхода солнца дойти до вершины и вернуться в храм к утренней службе. Из-за дождей он три дня не поднимался в часовню и беспокоился, что ее залило водой. Старенькая ряса намокла и облепляла ноги, замедляла ход. Иногда он останавливался, опирался на посох и осматривался окрест. С еловых лап свисали седые лохмы мха-бородача, листья, траву покрывала роса, туман клубился среди деревьев, цеплялся за ветви и кусты. Дышалось тяжело, воздуха не хватало, чем ближе к вершине, тем чаще останавливался отец Павел и тем дольше переводил дыхание.

С Пасхи, когда сошли густые снега, завалившие дороги в долину, его не покидала тревога — неясная и оттого более болезненная, которая отнимала силы. Прихожане приносили вести снизу. И вести эти — противоречивые, смутные и поэтому страшные, вероятно, и породили тревогу.

---

¹ Карпатская сосна.

Люди шептались о хлопаках, что нападали на польские имения, поджигали их и расправлялись с владельцами, убивали поветовых чиновников и местечковых старост, пограничников и полицейских. Это они расправились с польской учительницей на глазах учеников, а после сожгли школу, подперев двери бревном, а тех детишек, что пытались выбраться из окон, забивали бартками¹ и хохотали... Хохотали!..

Отец Павел перекрестился и перевел дыхание. До вершины оставалось совсем ничего, а силы почти оставили его. Он скользил по мокрой глине, хватался за ветки и с трудом преодолел последние метры тропы. Ели расступились, открыв взгляду нагромождение камней, затянутых можжевельником. Часовенка с этого места была не видна, но через десяток шагов покажутся из-за скальных обломков сначала крест, затем луковка, а потом и она сама, установленная на перевале рядом с разрушенной польской каплицей² и каменным крестом.

С каждым годом ему становилось все тяжелее подниматься к часовне, и он знал, что когда-нибудь не сможет этого сделать. Все чаще давала знать о себе раненая нога, и легкие, тронутые немецким хлором, плохо справлялись с разреженным воздухом высокогорья.

Задыхаясь и шепча молитвы, отец Павел наконец миновал камни и опустился возле входа в часовню на чурку, которую неизвестно кто принес на вершину. В ясную погоду отсюда открывался вид на широкие полонины, на гуцульские села и хутора, на круглые колыбы пастухов и бесконечные поскотины, которые разделяли выгоны для скота.

Но сейчас, в последние минуты перед восходом солнца, полонины и горы пониже тонули в тумане. Мрачные горги³,

¹ Гуцульские топоры.

² Часовня (*польск.*).

³ Камни.

суровые скалы, колючий чагарник¹ и цепкий яловец², свинцовые тучи над головой только усиливали тревогу. Ледяной ветер, который то и дело менял направление, пронизывал ветхую рясу насквозь. От его порывов не спасали ни стена часовни, ни нагромождения камней. Ветер свистел между ними, заливался на все лады — чувствовал себя безраздельным хозяином угрюмой каменной пустыни.

Отец Павел изрядно замерз, но сил не было даже подняться, чтобы войти в часовню. Где-то далеко прокричал черный ворон крук, возвестил зарю, но звуки тотчас утонули в тумане.

Священник оперся на посох, с трудом, но встал на ноги. Накануне ему исполнилось сорок пять лет, но он ощущал себя глубоким стариком. Все это — следствие войны: и поврежденная в бою нога, и отравленные легкие, и грубый шрам на спине. Вспоминать о нем не хотелось вовсе. Оснив себя крестом, он вошел в часовню. Остановился перед иконой Божией Матери Всех Скорбящих Радость и, шепча молитву: «*О, Пресвятая и Премилостивая Владычице Богородице! Припадая ко святей иконе Твоей, смиренно молимся Тебе...*», убрал огарки свечей, зажег новые.

Тусклое пламя трепетало от сквозняка, проникавшего в щели между камнями. Двадцать лет назад отец Павел сложил эту часовню в память павших на перевале русских солдат — его боевых товарищей.

Первая мировая война. Тяжелая зима 1915 года... Русские войска вынуждены были оставить Галицию под ударами немцев и австро-венгров. Не было снарядов к орудиям, не хватало патронов. Лошади пали, одни — от вражеских пуль, другие — от бескормицы, и артиллеристы тащили горные пушки на себе. Изю дня в день шли кровавые бои, изю дня в день — изнуряющие многомильные переходы, беско-

---

¹ Хвойный стланник.

² Можжевельник.

нечная усталость, голод, короткий тревожный сон на камнях. То страшные бури — шарги, которые сбивали с ног живых и засыпали снегом мертвых русских солдат, то сутки напролет дожди со снегом... То редкая надежда, то беспросветная тоска...

Тяжелые встречные бои на горных перевалах затянулись на два месяца. Но русская армия под командованием генерала Брусилова подтянула резервы и провела успешное наступление на Восточном фронте. Австрийские войска понесли тяжелые потери и оставили значительную часть Галиции, Вольни и Буковины.

«...Чужой уют... Увы, не в первый раз
Влезаем мы в покинутые гнезда...
Кто у окна, не осушая глаз,
В последний час сквозь сад смотрел на звезды?
Кто вырос здесь, в узорном городке,
Под сенью лип и старого костела?..
Фонарь дрожит в протянутой руке,
Нырнула мышь у шкафа в щелку пола...»

Отец Павел не знал, кому принадлежали эти стихи. Но их читал Вадим, там, в Черновицах, за неделю до того, как русские войска покинули этот город, и за месяц до взятия Перемышля. И всякий раз, всплывая в памяти, они причиняли тягучую боль, терзали душу, как поврежденная в давнем бою нога.

...Штабс-капитан, разрыв до дна чулан,
Вернулся с книжкой и смеется: «Чехов!»
Спирт — на столе. Кряхтит старик-диван.
Закуска? Хлеб и горсти две орехов...
А завтра вновь отхлынем мы назад,
И может быть, от этого уюта
Останется обугленный фасад, —
И даже мышь не сыщет здесь приюта...»¹

¹ Стихи Саши Черного.

Буковина и ее жемчужина — Черновицы... Город, который называли «маленькой Веной». Город художников и поэтов, романтиков и музыкантов. Воскресный день здесь начинался с «Музыки ангелов» Моцарта, а заканчивался дуэлью. Город, где тротуары подметали букетами роз, а книжных магазинов было больше, чем кофеен. Город, в котором собак называли именами олимпийских богов, а ветер разносил по улицам листы бумаги со стихами знаменитых поэтов...

Стояла ясная, по-весеннему теплая погода. Зеленела трава на лужайках. Цветочницы улыбались и кокетничали, продавая желтые нарциссы и букетики белых цветов — нежных, как фата невесты...

До сих пор звучал в его ушах цокот копыт по брусчатке, а перед глазами возникали мирные картины из прошлого. Черновицы словно не знали войны — дорогие экипажи, красивые женщины в роскошных нарядах, изысканные кавалеры, франтоватые русские офицеры, вальсы Штрауса и Шуберта на театральных подмостках и на балах местной знати, запахи свежих пирожных и только что сваренного кофе из маленьких кофеен...

Павел Гордеев успел до той поры повоевать почти полгода нижним чином, получил легкое ранение в руку, глотнул немецкого хлора под Барановичами, но сбежал из госпиталя снова на фронт. Но до своего полка, который перебросили под Ригу, так и не добрался. В конце января пятнадцатого года неожиданно встретил на вокзале в Белостоке Вадима Лясковского, который учился вместе с ним на механическом факультете в Санкт-Петербургском политехническом институте, но двумя курсами старше. В августе четырнадцатого оба ушли на фронт добровольцами. Они были ровесниками, но общались мало, а тут бросились друг к другу, как давние товарищи, обнялись и троекратно расцеловались. Причем Вадим окликнул его первым, и Павел не сразу признал старого знакомого в щеголеватом капитане с рукой на перевязи.

Это Вадим уговорил его идти служить в штурмовой взвод, который он формировал из крепких солдат-гранатеров, успевших понюхать пороху, ходивших в атаки и умевших постоять за себя в рукопашных схватках.

— Слышал, ты гимнастикой занимался, — сказал Вадим и сжал его плечо здоровой рукой. — Мне такие люди вот как нужны! — и чиркнул себя ладонью по горлу.

Павел немедленно согласился и вскоре уже находился на передовой в каске, вооруженный трехлинейкой и бебутом — кривым артиллерийским кинжалом. Вместе с командиром и четырьмя унтер-офицерами их было пятьдесят человек — сильных и выносливых парней. Каждому полагалось по восемь гранат, десять обойм патронов и стальной щит для защиты от пуль — один на два гранадера. Павла, как без пяти минут механика, приставили к бомбомету. И он со своим расчетом усердно направлял снаряды на вражеские позиции, разрушал полевые укрепления и убивал массу людей вокруг.

Но в сентябре он был ранен в схватке с сичевыми стрелцами, нападшими на штурмовой взвод под утро. Ночь выдалась необыкновенно холодной. Иней лежал на траве и камнях. Огромные звезды бесстрастно главели на людей в истрепанных шинелях. Солдаты, прижавшись друг к другу, забылись в тяжелом сне. Костров не разжигали, чтобы не выдать врагу свое присутствие. Взвод получил приказ удержаться перевал во что бы то ни стало, пока не подтянутся свежие силы, чтобы выбить австрийцев с занимаемых ими позиций.

Несколько суток без горячей пищи, в мокром обмундировании могли сломить кого угодно, но ни вздоха отчаяния, ни бранного слова, ни одного негодующего взгляда. Все, от командира до рядового, понимали: есть приказ, и он не обсуждается, а отступление в тот момент, когда подкрепление на подходе, равнозначно смерти. Бегущий солдат уже не противник, а его спина — лучшая в мире мишень.

Павел Гордеев находился в дозоре. И под утро замерз так, что с трудом удерживал в руках свою трехлинейку. Он об-

нял ее, как обнимают девушку — обеими руками, прижал к груди, пытаясь согреть дыханием заочевенные пальцы. Легкий стук, а затем шуршание — так осыпаются мелкие камни — заставили его резко вскинуть голову и настрожиться. Боковым зрением он заметил неясную тень, скользнувшую между камней, — одну, затем — вторую... Вскочил на ноги, но колени, которые занемели от долгого сидения в укрытии, подогнулись, и он с грохотом упал на камни, не успев нажать на спусковой крючок винтовки. И тут же кто-то налетел сзади, навалился и ударил ножом в спину. В последний момент Павел извернулся, сбросил противника, оттолкнул его прикладом, ударил в грудь штыком...

А вокруг уже кипела схватка. Бойцы штурмового взвода отбивались кинжалами и прикладами, штыками и саперными лопатками. Вуйки же¹ орудовали топорами и тяжелыми резаками.

Схватка среди камней длилась недолго. Розовая полоска зари показалась над горами уже после того, как смолкли внизу вопли побежденных вуйков, а русские принялись считать убитых и перевязывать раны.

Павел, шатаясь от слабости, не сел, а почти упал возле огромного камня. Голова кружилась, все вокруг затянуло дымкой, в ушах звенело. Каждое движение причиняло боль, а по спине стекал горячий ручеек, который уже насквозь пропитал гимнастерку. Но если нож галичанина вскользь прошел по спине Павла, разорвав кожу и мышцы, то топором кто-то из стрелцов не промахнулся, крепко ударил по ноге, разрубив ее до кости...

Отец Павел что-то пробормотал себе под нос, перекрестился на образ Богоматери и, пытаясь изгнать страшные воспоминания, дочитал молитву несколько громче, чем обычно:

— *...да славим во веки великолепное Имя Сына Твоего и Бога нашего, со Безначальным Его Отцем и Святым, и Бла-*

---

¹ В у й к и — дядьки — национальная кличка галичан — ныне жителей Западной Украины.

гим, и Животворящим Его Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь...

Ветер над горами усилился и почти валил с ног, бил наотмашь в лицо, но розовая полоска на востоке становилась все шире. Туман завис над долинами — густой, точно вата. Он клубился, как живой, то отступал, то накатывался волнами на полонины. Одинокий бук, который забрался выше всех по скалистой гряде, выглядел как маяк среди белесых волн. Казалось, что из-за ближней горы вот-вот выплывет одинокий парусник... Темнели пятна лесов, отливали серебряной чернью. Но утренний свет проник в душу, и даже тревога ушла, уступив место ощущениям свежести и божественной силы, что удерживала весь этот мир от распада...

* * *

Восход уже играл красками на хребте, когда отец Павел с трудом добрался до горной речки — последнего препятствия на пути к храму. С одного обрывистого берега на другой было переброшено бревно, стесанное поверху, чтобы не поскользнуться при переправе. Когда-то здесь имелся подвесной мост на цепях, но его разбило вешними водами лет десять назад. И теперь прихожане пользовались бревном, а цепи прикрепили с одного конца бревна так, чтобы отец Павел без труда в одиночку поднимал его на ночь от беды подалее — буйной воды или чужаков. В последнее время их много бродило в горах — мрачных, в обтрепанной одежде, с австрийскими винтовками и немецкими тесаками в руках. А вот прихожан заметно поубавилось. Что поделаешь, лето весь год кормит.

Но была еще одна причина, по которой прихожане стали реже посещать храм. В последние годы участились дерзкие нападения хлопаков — украинских националистов — на польские имения, полицейские посты и на поезда.

В ответ поляки усилили репрессии. Военная колонизация края, десятки тысяч польских осадников¹, заселивших самые плодородные земли, вызывали страх у гуцулов, которых постепенно вытесняли из долин в горы.

В конце тридцатых поляки провели «ревиндикацию»², уничтожили более двухсот православных церквей и почти столько же передали униатам. Теперь в Карпатах осталась едва ли полусотня православных храмов, отчего отец Павел и тревожился, ведь со дня на день польские жолнеры могли явиться и в его приход.

Ночами он спал беспокойно, а бывало, не засыпал вовсе, молился в храме перед образом архангела Михаила. Видел третьи сны Янык, прибившийся к церкви немой бродяжка, а отец Павел, стоя на коленях перед алтарем, клал земные поклоны, осенял себя крестом и шептал:

— *О Господи Боже Великий, Царю Безначальный, пошли, Господи, архангела Твоего Михаила на помощь рабу Твоему Павлу изъяти мя от враг моих видимых и невидимых!..*

Лес глушил все звуки окрест, только река громко плескалась за стенами храма. Лишь иногда разрывали тишину уханые филина, треск сучьев под копытами кабаньего семейства или испуганный вскрик дикой козы. Ночной мрак царил вокруг, а небо пылало мириадами звезд. Но чуткое ухо улавливало тот необычный плеск, с которым люди перебрехали реку. Они обходили храм стороной и явно таились, но выдавали себя стуком камней, шуршанием кустов и, аки дикая рать, исчезали в ночной темноте. Жутко становилось отцу Павлу, оттого и молился он дольше и истовее:

— *...О Господень угодный Михаиле архангеле! Будь ми помощь во всем: в обидах, в скорбях, в печалех, в пустынях, на распутьях, на реках и на морях тихое пристанище...*

---

¹ О с а д н и к и — солдаты и офицеры польской армии бесплатно получали в Галиции земельные наделы до 45 га.

² Принудительное обращение в католическую веру.

Утром, изнуренный ночным бдением и беспрестанными молитвами, он с просветленным лицом выходил из храма и долго смотрел в небо, радуясь божьему дню, а в сердце вновь воцарялись благодать и тишина...

В такие минуты он вспоминал, как подобрали его на поле боя два гуцула-пастуха — седой старик и его юный сын, в белых холщовых штанах и овчинных каптарах поверх рубах. Мягко ступая постоломи по камням, они спустили его на руках к храму. Отец Онуфрий вышел навстречу, что-то сказал тихо, и гуцулы занесли раненого в низкую бревенчатую хижину. Сняв барашковые шапки, пастухи перекрестились на образа и, поклонившись батюшке, вышли из хижины.

Рана на ноге воспалилась, Павел метался в бреду, но всякий раз, когда ненадолго возвращалось сознание, видел над собой бородастое лицо священника. Травяной отвар охлаждал раскаленное горло, целебные мази снимали боль в ноге, и на короткое время Павел спокойно засыпал, но жар и боль возвращались снова и снова.

От осенних дождей набухли реки, а потом в Карпаты пришла зима с обильными снегопадами и сильными метелями. К тому времени Павел уже вставал и передвигался по хижине, опираясь на самодельную трость, а вскоре стал помогать отцу Онуфрию во время богослужений, что не составляло ему особого труда. Отец его был сельским священником в Рязанской губернии, и Павел с детства знал, что пойдет по стопам батюшки, окончит духовную семинарию, женится, получит сельский приход. Но, повзрослев, уже не чаял, как вырваться из тесного деревенского мирка. Отец же настаивал на духовной карьере сына. Павел поступил-таки в семинарию, но ушел со второго курса и, несмотря на протесты семьи, продолжил учебу в Политехническом институте. С той поры он ни разу не бывал дома. Изредка писал матушке, что жив-здоров, а с фронта и вовсе отправил лишь два письма. Думал, что вернется, и все встанет на свои места. Только судьба распорядилась по-своему...

В одно из первых посещений храма настоятель поведал Павлу его историю. Храм архангела Михаила был возведен когда-то на месте древнего православного монастыря. В конце семнадцатого века татары напали на Угорию. Венгры крепко потрепали басурман, и те бежали в Крым через Карпаты. Тогда-то и набрели на монастырь в горах. Монахов перебили, монастырь разграбили и сожгли. Спасся только послушник Алексей, который успел спрятаться на крыше монастырского храма. Татары его заметили и уже начали карабкаться на стены. Алексей упал на колени, воздел руки к небу и принялся читать молитву в ожидании лютой смерти. Но в то мгновение, когда один из нечестивцев взобрался на колокольню, ужасный грохот раздался с небес, потоки воды хлынули сверху, сметая татар, а среди пенных струй явился отроку сам архангел Михаил в виде грозного воина с огненным мечом.

Татары, побросав оружие и награбленное добро, в панике бежали из монастыря. Алексей, пораженный чудом, спустился во двор, узрел окровавленные трупы монашеской братии и вновь упал на колени.

— Архангеле, — взывал он к нему, — моли Господа упокоить души моих братьев, а меня сподоби изобразить твой дивный лик...

И принялся кровью убиенных писать образ небесного заступника на простой сосновой доске. Его руки словно сами собой создали образ грозный, но исполненный божественной благодати. Тогда Алексей в слезах припал к иконе, и лик на мгновение словно ожил, а глаза архистратига полыхнули небесным огнем...

В памяти отца Павла до сих пор жил голос Онуфрия — тихий, мягкий, но проникавший в душу, наполнявший ее тревогой и грустью.

Настоятель был стар и немощен, с трудом передвигался, но когда речь заходила об иконе, в честь которой был возведен храм, дивным образом преображался. Глаза его бле-